

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ: НЕПОНЯТЫЙ СПАСИТЕЛЬ

Овчинникова Дарья
Нагога Дарья 9 Л

Барклай-де-Толли, командующий 1-й русской армией при вторжении Наполеона в 1812 году, формально награждён был щедро. Пожалован чином фельдмаршала, стал вторым после Кутузова полным кавалером ордена Святого Георгия (из четырёх вообще таких кавалеров за всю его историю). Рядом с Кутузовым памятник у Казанского собора в Петербурге...

А уж милостью монарха облагодетельствован был в полной мере. В отличие от того же Кутузова...

И тем не менее, Барклай считают лишь тенью Кутузова. В лучшем случае. В худшем – неудачником, который не сумел победить Наполеона в стиле Кутузова. Хотя, вроде бы, как раз и действовал, как Кутузов. Или Кутузов – как Барклай?

Баловень неудачи

Барклай-де-Толли происходил из шотландского рода. Но из той его ветви, которая перебралась в Прибалтику, тогда ещё жившую под Ливонским орденом. Дед его был даже градоначальником Риги.

Когда, однако, прибалтийские земли были сначала отвоёваны, а затем выкуплены Россией у шведов, род Барклаев, как и практически все прибалтийские немцы, включился в жизнь Российской империи и начал ей служить истово и верно.

Вот и Михаил – Михаэль Андреас, если быть точным, – начал службу Империи в рядах Псковского карабинерного полка в 19 лет от роду. И служил долго ни шатко, ни валко, как говорится: исполнял должности в частях, состоял при генералах, был адъютантом. Звёзд с неба не хватало настолько, что в 40 лет командовал всего лишь батальоном.

Но именно тогда обозначились его главные качества. Барклай был – настоящий. Он не обладал харизмой, его не слишком любили в войсках. Но он был настоящим немцем – у него в частях всегда был порядок. В системе, где полковой командир распоряжался полком, как барин деревней – и в финансовом смысле тоже, – у Барклая был немецкий порядок. Солдаты были сыты, всё было снабжено по норме... но его – не любили.

Он не умел быть любим подчинёнными. И он не искал их любви.

И это была главная причина, по которой взлёт его карьеры начался только после 1807 году, когда он встретился с императором Александром и сумел понравиться ему.

Стратег, обыгравший Наполеона

Императору Барклай сумел понравиться своим новым видением, как должна быть организована армия в видах неизбежной войны с Наполеоном. Ну, и своей немецкою исполнительностью.

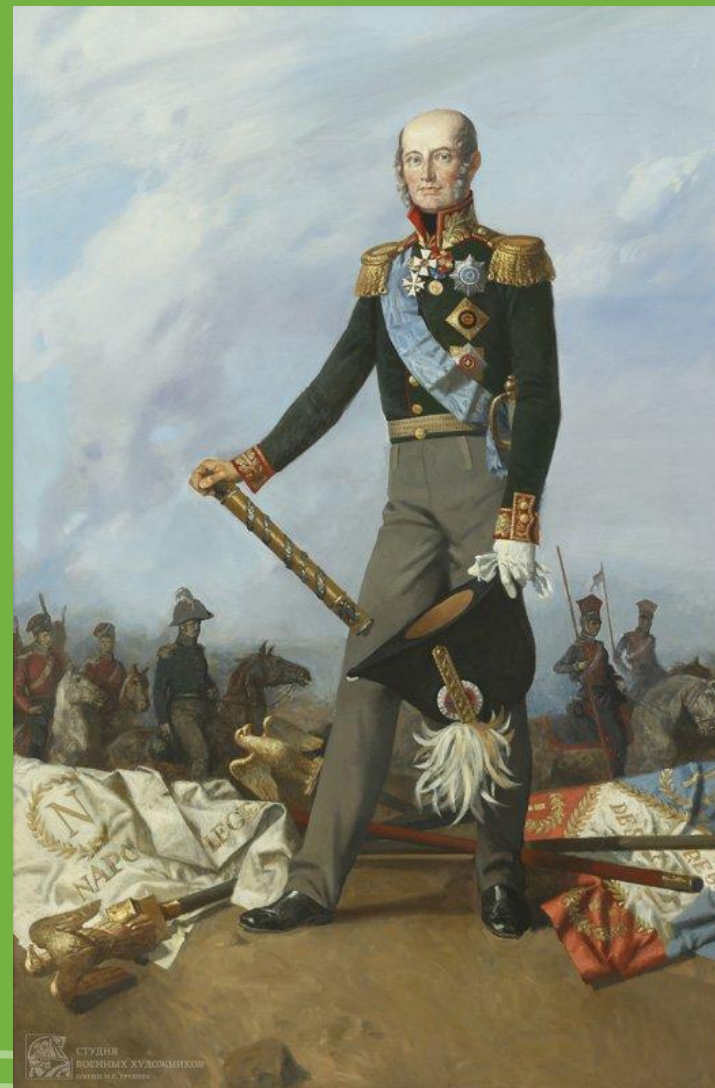
Александр ведь прекрасно понимал, что он сам, и именно лично, стал причиной катастрофы при Аустерлице, но всё ещё верил в свой полководческий гений. Который, понятное дело, дискредитировал Кутузов, вообще не желавший давать сражения и уклонившийся от руководства им. «Кто же может сомневаться в победе под руководством Вашего Величества», - издевательски сказал он, когда Александр настоял на губительном манёвре с оставлением Праценских высот.

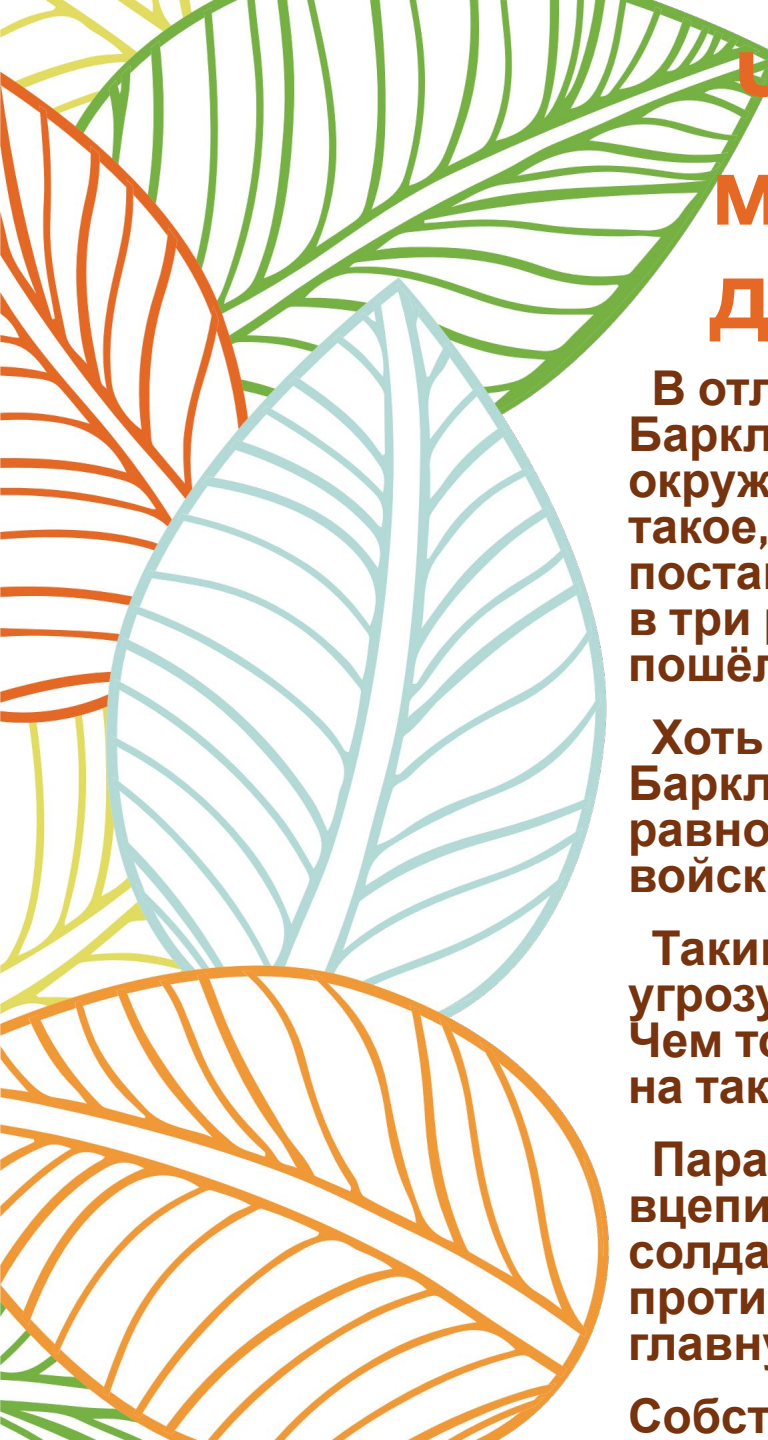
Этого Александр не забыл ни себе, ни Кутузову, а потому умный, с новыми идеями, исполнительный и по-немецки организованный Барклай стал ему светом в окошке.

Надо отметить, что выбор императора оказался предельно удачным. Даже не будем говорить о том, что Барклай-де-Толли в должности военного министра сумел сделать максимум для преобразования и вооружения русской армии, приведя её в соответствие с теми реалиями, которые создали новые войны нового наполеоновского времени.

Важнее другое. Расположение русских войск перед войною, которое многократно обругивалось историками, но которое в реальности ограничило Наполеону возможности манёвра ещё до вступления того на русскую землю.

Иными словами, Барклай ещё до войны заставил Наполеона играть по своим правилам.

Что было при нём как военном министре решено с планом боевых действий?

В отличие от Багратиона - героя, рубаки, чья стихия - бой лицом к лицу, Барклай предложил не вторжение французам навстречу с риском быть окружёнными и уничтоженными, а стратегическое отступление. Причём такое, когда у Наполеона не было бы выбора, куда наступать. То есть поставить против уже ясно, что гигантской, превосходящей русские силы в три раза армии Наполеона одну русскую армию. И куда бы тот ни пошёл, на боку его армия Барклая висеть будет.

Хоть и много сил у Бонапарта, да против ста тридцати тысяч Барклаевых простым заслоном не отгородишься. Как минимум, равноценные силы выставить надо. И тогда на поход на Петербург мало войск останется.

Таким образом, Барклай уже одним расположением войск устранил угрозу от столицы и заставил Наполеона устранять себя, свою армию. Чем тот автоматически и занялся, разменяв стратегическую цель войны на тактическую.

Параллельно, при атаке на Барклая, в бок французам должен был вцепиться Багратион со своей армией. Та была – слёзы, всего 45 тысяч солдат. Но это была армия. И её игнорировать тоже не стоило. И в итоге против неё Наполеон послал более 60 тысяч войск, фатально ослабив главную группировку.

Собственно, тогда война была и выиграна.

стратегия и реальность

Но – выиграна стратегически. Тем, что Барклай повёл войска Наполеона за собою, ибо военная необходимость требовала от того прежде всех дальнейших целей уничтожить армию Баркляя.

Но реально войну выигрывает не только стратегия, но и дух войска, и его снабжение, и вообще экономика государства, и настрой его элит и народа. И вот тут при всей правильной стратегии, выбранной Барклаем, таились очень даже большие возможности для поражения.

Во-первых, ещё в 1810 году поданная царю бумага Баркляя, в которой он обосновывал, что в грядущей войне с Наполеоном надо будет отходить от границы вглубь страны, не принимая боя, не гнушаясь и не стесняясь бесславием, ибо противостоять ему в прямом бою невозможно, в условиях реальной войны оказалась бесполезной.

Общество считало, что Наполеона нужно бить, что русская армия его может бить, - так отчего Барклай противодействует этому желанию и всё отступает да отступает? Уж не изменник ли он?

Дошло до того, что его собственная армия не откликнулась на приветствия своего главнокомандующего. Это сродни тому, как если бы на поздравление министра обороны во время парада 9 мая ему войска отвечали бы не «Ура!», а молчанием.

Во-вторых, Барклай стал в какой-то момент, даже, скорее всего, неощутимо для самого себя, адептом отступления ради отступления. Кутузов не зря говорил, что сдача Смоленска фактически означает сдачу Москвы. Потому что Барклай не сделал самого элементарного для успешной обороны на этом рубеже.

Чего и надо-то было?! Взять Смоленск за центр обороны, за ключ её. Разбить позиции вдоль Днепра - южнее и севернее, на правом берегу. Держать в этом смысле основные дороги, по которым можно было бы сделать обход города, - не так их и много!

При атаке Наполеона на Московскую дорогу с севера - линия держится. Из Смоленска через Петербургское предместье подкрепление прибывает. Мало, давит неприятель? Того прикрытия достаточно, чтобы на дорогу Московскую отойти и тем устремления его ничтожными сделать. То же и с юга. У Красного заслон сильный - бейся об него, Наполеон! Позиция Смоленская в этих смыслах непреодолимая - действительно, он есть ключ-город к доступу во внутренние пределы русские. Не обойти его.

Но Барклай не верил в удержание Смоленска и предпочёл отступить далее, лишь бы не позволить Наполеону окружить армию.

“Но — не орёл...”

Ещё более зримым свидетельством того, что Барклай невольно стал рабом отступательной стратегии, было совещание в Филях по поводу оставления Москвы. Там Барклай показал себя стратегом и реалистом: он заявил, что Москву защищать невозможно, и предложил отступить. Но куда? - на Нижний Новгород! То есть просто отойти ещё от армии Наполеона.

До гениального замысла Кутузова отступить вообще в никуда — на Рязань — Михаил Богданович подняться не смог. А между тем — уже, разумеется, после исполнения — замысел оказывается элементарным: с Рязанской дороги переход на Калужскую, откуда одновременно и прикрываются южные губернии с их пушечным и пороховым производством, а также продовольствием, ставится под угрозу линия снабжения французов по Смоленской дороге и воспрещается их поход на Петербург, столицу. Ибо кто осмелится на такой рейд, имея в тылу стотысячную армию?

Потому Кутузов, которого нередко называют продолжателем стратегической линии Барклая, был как раз стратегом истинным: его отступление было подчинено цели победы. А отступление Барклая было подчинено... просто отступлению. Сохранению армии.

И общество тогдашнее эту разницу если не понимало, то ощущало. Отчего Кутузова боготворили, а Барклая-де-Толли презирали. Как точно отметил Пушкин, «народ, таинственно спасаемый тобою, Ругался над твоей священной сединою»...

Вот в этом и есть главная проблема и главная трагедия Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. По своим планам и действиям он был точно одним из главных спасителей России в 1812 году. Можно сказать — стратегическим спасителем. Но он не был гением, как Кутузов. Он имел ординарный — порядочный, в переводе — немецкий ум. Этот ум был даже гораздо выше среднего. Но это был ум прекрасного военного организатора. Ум великолепного министра обороны.
Но это не был ум полководца...

